

П. Г. ВИНОГРАДОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ В РУССКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ КОНЦА 19 — НАЧАЛА 20 ВЕКОВ

Л. С. Моисеевкова, кандидат исторических наук, доцент

Отечественная и мировая историческая наука, как известно, на рубеже 19 — 20 веков переживала состояние кризиса. Состояние, которое так отчетливо стало нам понятным сегодня. Ибо волею судеб наша современная историография оказалась в похожей ситуации смены общественных идеалов, исторических оценок и теоретико-методологических принципов. Сходство не может быть признано буквальным, но оно обязывает нас осмыслить прошлый опыт решения сложных проблем развития исторической науки. Это тем более необходимо, что именно столетие назад в русской историографии сложилась плодотворная традиция сочетания конкретных исследований с разработкой вопросов теории.

Интерес к философии истории, обострившейся в условиях кризиса способствовал выделению методологии как самостоятельного направления в науке. Особая роль в этом принадлежала русской медиевистике, которая, по общему признанию, занимала во всей русской историографии последней трети 19 — начала 20 в.в. ведущие позиции как в области методологии, так и по значимости своих конкретно-исторических исследований. Как нам представляется, это объясняется следующим:

— западноевропейская средневековая проблематика приобрела в условиях пореформенного развития России особую актуальность, она прямо выходила на насущные проблемы современности;

— в соответствии с общественными запросами историки-медиевисты обратились прежде всего к изучению экономической истории средневековья и к истории широких народных масс, что способствовало осознанию ими этих проблем как ведущих в исторической науке;

— новая историческая проблематика обусловила введение в научный оборот массы новых источников и совершенствование методики их обработки;

— отечественная медиевистика испытала самое непосредственное влияние достижений западноевропейской историографии средневековья, а в решении целого ряда проблем заняла по отношению к ней приоритетные позиции;

— благотворно на развитии отечественной медиевистики рассматриваемого периода сказался также тот постоянный "контроль и проверка", которым она подвергалась со стороны западноевропейской историографии средневековья и которого так недоставало, по признанию В. О. Ключевского, исследователям отечественной истории.

Едва ли не главой всей тогдашней медиевистики, как русской, так и зарубежной, по утверждению Е. В. Гутновой, которое вряд ли может быть оспорено, был Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925) [1], профессор Московского, а затем с 1903 г. Оксфордского университетов, составивший своими трудами целую эпоху в развитии историографии. Поэтому анализ его теоретико-методологических принципов представляет особый интерес.

Истоки современных ему философских представлений Виноградов связывал с достижениями философии 17 в. в лице таких ее ведущих представителей как Ш. Монтескье, И. Гердер, И. Кант, Ж. Кондорсе. Главную заслугу Монтескье Виноградов видел в развитии им идеи "органического, закономерного развития, не изменяемого прихотью случая или дарованиями отдельных лиц... С идеей органического развития, — считал он, — стоит в связи идея о влиянии естественных условий на ход истории". Гердер, Кант, Кондорсе знамениты своей попыткой "сразу провести просеки в дремучем лесу истории, впустить в него луч с помощью представления об историческом прогрессе". Однако все три мыслителя (этот момент Виноградов отмечает как негативный) относились к истории "с идеалистически-философской

точки зрения", то есть рассматривали "исторический процесс с точки зрения ума, сердца, воли, выдвигая и выбирая наиболее подходящие, игнорируя факты, мало удобные и посторонние их основным идеям". [2]

Самой законченной идеалистической системой Виноградов называл философию Гегеля, которая господствовала над умами, по его словам, первые пятьдесят лет 19 века. Эта философия, хотя и оказала огромное влияние на историографию, не могла, по мнению Виноградова, претендовать на долгое существование, так как "находилась в противоречии со своим материалом, ... она подтасовывала исторические факты под известные априорные построения". [3] Критикуя гегелевскую философию, Виноградов справедливо выделял ее "главную идею", "жизнеспособный элемент" — идею диалектического развития. [4] Однако "научную диалектику" он принимал только в смысле "формального двигателя истории", "как обозначение логического раскрытия и развития мыслей". [5] Тем самым он непомерно суживал само понятие диалектики, истолковывая его, если можно так выразиться, еще в более идеалистическом духе, чем это было у Гегеля. Показательно, что в диалектическом подходе к историческому процессу Виноградов усматривал чуть ли не видовой признак идеализма. Именно с этой точки зрения он критиковал философию истории, основателя позитивизма О. Канта, у которого обнаружил много общего с Гегелем. С последним французского философа сближает прежде всего, считал Виноградов, то "главное значение", которое придается в общественной жизни интеллектуальным процессам. Развитие ума в кантовской системе "главный показатель исторического движения, все фазы которого могут быть выведены из преобладания известных идей". А такая "попытка абстрактного понимания истории... ведет к преобладанию диалектического метода". "В результате вся система Канта, — делает вывод Виноградов, — ... подчиняет исторические факты чисто идеалистическому развитию с меньшей производительностью, чем философия Гегеля". [6]

Заслугу Канта историк видел лишь в обосновании им социологии. Но и эту заслугу он сводил, главным образом, к выработке методов социологического исследования, ибо время создания собственно социологии, по твердому убеждению Виноградова, еще не пришло. Оценивая учение Канта в целом, Виноградов считал, что "деятельность позитивного духа философии" более предсказывается, чем указывается. В эту сторону, — заявлял он, — мы за ним не последуем". [7] Философские симпатии Виноградова были на стороне позитивизма, выработанного в Англии Д. С. Миллем и Г. Спенсером. Причём, предпочтение он отдавал Спенсеру. В его философии Виноградова привлекала более ярко выраженная, чем в учениях других позитивистов идея независимости науки и истории, в частности, от господствующих философии истории. [9]

Таким образом, в истолковании позитивистов сам предмет философии лишается своей самостоятельности, становится в зависимость от знания, полученного эмпирическим путём в различных областях науки. Однако, следует отметить, что протест учёных-позитивистов против главенства философских доктрин в условиях России второй половины 19 в., сыграл на определённом этапе относительно прогрессивную роль, так как своим остриём был направлен против насилия в науке официального религиозно-философского мировоззрения. Показательно в этом смысле, что Виноградов, критикуя притязания философии на получение положительного знания путём чистого умознания, выступал против совершенно конкретной философской системы-гегельянства, в котором справедливо находил много общих точек сопереживания.

Гегеля и Спенсера Виноградов считал философскими антиподами, не замечая или не желая замечать общей идеалистической основы их учений. В своих рассуждениях о системе Спенсера он не словом не обмолвился о характерном для нее стремлении примерить науку и религию. Напротив, именно учению английского философа Виноградов приписывал одно из

главных в его понимании достижений позитивизма — "окончательный разрыв с теологией, с извне установленной целесообразностью мирового процесса". [10]

Такой выборочный подход к философии Спенсера, с выдвижением на первый план одних ее моментов и затушеванием других, не был случайным. В нем реализовывался присущий представителям позитивизма мировоззренческий скептицизм, с позиции которого оценивались им философские системы, в том числе и создание самими позитивистскими авторитетами. Виноградов четко разграничивал, а порой и противопоставлял две стороны третьей Спенсера — мировоззренческую и методологическую, отдавая явное предпочтение последней. Интересно отметить, что Виноградов нигде не называет позитивизм философией — для него это прежде всего метод научного познания.

Пожалуй, в наиболее полной форме Виноградов воспринял только социологию Спенсера. Хотя в ее исходной идее отождествления человеческого общества живым организмом, в попытке анализировать человеческое общество с живым организмом, в попытке анализировать общественную жизнь в терминах биологии он не видел ничего оригинального. [11] Виноградов справедливо настаивал на специфике общественного развития, однако его рассуждения по этому поводу не отличались ни ясностью, ни последовательностью. Основное различие между естественными и общественными явлениями историк усматривал в том, что составляющими клеточками общества являются живые люди, обладающие различными способностями и потребностями. [12]

Не примкнув, таким образом, всецело ни к одной из позитивистских философских систем, историк принял "формулу Спенсера" как "точку отправления" своих философских представлений, выбирая из совокупности основ позитивистской философии то, что соответствовало его собственным взглядам.

Историю Виноградов определял как одну из форм общественного самосознания, конкретным содержанием которой является "социальный опыт человечества". Конечной целью исторической науки он считал выяснение условий "действительного развития общества, как целого, в живом соотношении всех слагающих общество сил". [13]

Виноградов неизменно подчеркивал в своих исследовательских трудах и лекционных курсах тесную связь истории и современности. Как историка-медиевиста его интересовала "роль средневекового процесса для установления основ европейской жизни"[14]. Он совершенно справедливо выводил из средневекового прошлого многие явления и отношения настоящего, стремился поднимать, по его словам, "общечеловеческие вопросы, касающиеся и древней и средней истории". [15] С этих позиций в одной из своих лекций Виноградов иронизирует по поводу призыва писателя-рационалиста 18 в. Болинброка отказаться от изучения "запутанной" средневековой истории, бесполезной, с его точки зрения, и сосредоточить внимание на более важной и доступной современности. [16]

Основное назначение истории Виноградов видел в том, чтобы средствами науки разрешить "жгучие вопросы", стоящие перед обществом. В этом реализовалось его понимание социальной функции исторического знания. Сам процесс общественного развития, по мнению Виноградова, во многом определяет проблемы исторического исследования, управляет всем течением исторической науки. "Все поворотные пункты этого течения, — отмечал он, совпадают с великими поворотными пунктами в истории, историография развивается не в силу самостоятельной последовательности, а дается текущей историей". [17]

Требую от историков, как и все представители позитивистской историографии, беспристрастности в оценке исторических событий, Виноградов тем не менее понимал недостижимость такого "равнодушно судейского" отношения исследователя к изучаемым событиям. Историк, по верному замечанию Виноградова, — порождение определенной эпохи, особенности

и запросы которой в значительной мере определяли "источники успеха, равно как и причины его неизбежной ограниченности". Пристрастность ученого-историка он вполне обоснованно отождествлял с "политическими или патриотическими предрасположениями". [18]

Признание тесной связи истории и политики, исторического прошлого и современности, сосуществовало в концепции Виноградова с твердой верой в историю как науку, способную давать объективное знание. В его теоретических представлениях наметился верный подход к решению сложной проблемы соотношения объективности и партийности в историческом познании. об этом свидетельствует, в частности, анализ Виноградова вклада в историческую науку немецкого историка Г. Л. Маурера. Виноградов обратил внимание на то, что Маурер, "государственный человек никак не радикального пошиба," явился одним из создателей общинной теории, основные выводы которой не соответствовали его консервативным социально-политическим принципам и убеждениям. Это несоответствие Виноградов прозорливо объяснял относительной независимостью от влияния современности внутренней логики самой науки. "Теоретическое развитие, писал историк, — самостоятельно. Самостоятельно настолько, что все силы этой многообразной жизни не в состоянии превратить или повернуть назад его течение, а принужденно склонять его в новых изгибах все в том же поступательном направлении". [19] Признание совместимости объективности и партийности исторического познания — несомненно сильная сторона методологии ученого, которая выгодно его отличала от других приверженцев позитивизма с присущим этому философскому течению агностицизмом. Так, например, представитель "субъективной школы" в социологии, Н. И. Кареев объективность и партийность исторического познания считал понятиями чуть ли не взаимоисключающими. [20]

Исходя из обоснованной посылки об известной самостоятельности историографической практики по отношению к современности и партийности исследователя, Виноградов пришел к верному наблюдению о характере преемственности в развитии исторической науки. Историческое знание, считал он, добытое на соответствующем этапе общественного развития, хотя и несет на себе отпечаток современных запросов, но не разрушается последующими поколениями ученых. [21] Конечно, признавал Виноградов, "в исторической науке более, нежели в какой-либо другой, приходится отбрасывать из сделанного другими учеными", но в то же время крупнейшие из них "делают свой вклад, выставляют известные идеи, переходящие затем в общее сознание". [22] В этих своих рассуждениях он вплотную приблизился к пониманию диалектического характера процесса исторического познания, высказал верные представления о соотношении абсолютной и относительной истины.

Рассмотрение проблемы специфики исторического познания, неизбежно приводит исследователя к поискам критерия истинности полученного знания. В качестве такого критерия Виноградов неоднократно пытался представить "точные" методы исследования, которыми способны овладеть историки, достигнув высокого уровня профессионального мастерства. В подобном подборе критерия отразилось то исключительно важное значение, которое он придавал субъективному фактору в процессе познания. Не случайно при оценке научного вклада отдельных исследователей он обращал внимание прежде всего на используемые ими методы.

Однако в наиболее ранней из своих работ Виноградов, возможно, сам этого не понимая, пришел к выводу о непригодности избранного им критерия. Анализируя историческую литературу по вопросу о происхождении итальянского феодализма, историк отметил, что "самая трудность, даже невозможность" доказать то или иное положение порой принуждает отдельных историков "к особенной изобретательности и ухищрениям в способе доказательства". И, хотя они "в отношении приемов исследования сделали гораздо больше остальных", конечные выводы таких ученых приводят их в разряд "сильно отклоняющихся от истины". [23]

Таким образом, предпринятые П. Г. Виноградовым попытки найти критерий истинности исторического знания не увенчались успехом.

Прогресс исторического знания П. Г. Виноградов, как и все историки-позитивисты, связывал с тем влиянием, которое оказывали на общественные науки достижения в естествознании. Но в отличие от большинства представителей позитивистской историографии, Виноградов обратил внимание на тот факт, что история не только испытывает на себе влияние других наук, но и сама в свою очередь "проникает во все родственные общественные науки и даже в науки естественные". [24] Он имел в виду прежде всего принцип историзма, который, например, лег в основу учения Дарвина.

Отстаивая равные права общественных наук с науками естественными, Виноградов предостерегал от бездумного механического применения законов развития природы и объяснению социальных явлений. Он подверг критике немецкого исследователя Гевальда, который принял попытку представить историческое развитие на основе биологического закона борьбы за существование. Такие попытки, считал Виноградов, неизбежно заведут исследователя в тупик. [25] В этом нашло свое отражение понимание ученым качественного отличия законов развития человеческого общества от законов развития природы. Хотя он нигде не пояснял, в чем именно оно выражается, но тем не менее настойчиво призывал к осторожности в применении методов естествознания в общественных науках. Полностью тождественны, считал Виноградов, у социальных и естественных наук только цели. "И те и другие, — отмечал он, — стремятся выяснить причины явлений с целью проторить путь для определения законов развития". [26]

Постепенная реорганизация общественных наук с целью их постановки "на основании, аналогичные основаниям наук естественных" приведет, по мысли Виноградова, к построению социологии. Однако создание подобной всеобъемлющей науки об обществе не является задачей сегодняшнего дня. "Социология еще невозможна, — считал историк, — не потому, чтобы произвол царствовал в истории, а потому, что историческая закономерность не достаточно еще прослежена, не достаточно разработан исторический материал, не достаточно ясно указано сцепление причин и следствий". Поэтому работа современного ему поколения историков должна ограничиться "группировкой частного материала на основании категорий причинности", что позволит, по мнению Виноградова, выявить контуры, общие очертания отдельных закономерностей, которые будут более точно прослежены последующими поколениями историков. [27]

При этом он подчеркнул, что желательно на данном этапе развития исторической науки обратиться к "сравнительно простой и несложной сфере экономических фактов". [28] То есть, как справедливо отометила Е. В. Гутнова, исходный интерес Виноградова к истории экономики был вызван, прежде всего, причинами методического характера. [29] Однако в конкретной исследовательской практике под давлением фактического материала способный к объективным оценкам историк приходил и к обоснованным выводам методологического характера о важности и даже ведущей роли экономического фактора. В одной из своих лекций он прямо заявил, что "политическая история не только не единственный предмет исторической литературы, но даже, может быть, и не главный". [30] Главным в общественном развитии Виноградов считал тот процесс, который происходит в "низах общества" — процесс экономический. Историк причислял себя, по его собственному выражению, к исследователям — "экономистам", которые стремятся прежде всего "выяснить, на каких хозяйственных основах держится социальный порядок той или иной эпохи". [31]

Кстати, и многие современники после выхода первых крупных работ Виноградова, посвященных проблемам итальянского и английского феодализма, относили автора чуть ли не к

основателям нового экономического направления в историографии. Так, специалист по истории культуры, противник "экономизма" М. С. Корелин с явной неприязнью писал в своем дневнике: "Это направление (экономическое — М. Л.) наплодили у нас, с одной стороны, Чупров и земские статистики, с другой — Виноградов и отчасти Ключевский". [32]

Именно вокруг работ Виноградова в исторической литературе завязался спор между сторонниками так называемой "культурной истории" и "экономистами". Р. Ю. Виппер в письме к В. И. Герье в июле 1895 г. отмечал, что "сейчас свирепствует спор "экономических материалистов" с их довольно неопределенными противниками". [33] Против положения Виноградова о том, что "внутренняя сущность общественных перемен сводится к перемене в быту социальном или экономическом" выступил с позиций "культурников" Н. И. Кареев на страницах издаваемого им "Исторического обозрения". Указанный подход Виноградова к истории представлялся Карееву односторонним. [34]

В 1892 г. в "Журнале Министерства народного просвещения" была опубликована рецензия Д. М. Петрушевского на работу Виноградова "Вилланство в Англии". Автор рецензии провозгласил "материальную историю" новым передовым научным направлением, а Виноградова — его видным представителем. [35] Рецензия Петрушевского послужила поводом для очередной статьи Кареева, направленной против экономистов. Он подверг критике казавшиеся ему необоснованными претензии экономического направления на научную новизну. Причем, материальное направление в историографии Кареев критиковал наряду с марксизмом, рассматривая марксизм лишь как крайнюю школу в экономическом направлении. Марксизм, убеждал Кареев, "вовсе не был вызван к жизни новым научным направлением; это был боевой лозунг, а не научная гипотеза". [36] На этом основании он отказывал в "научности" экономическому направлению в целом. Д. М. Петрушевскому также было свойственно представление о марксизме как о крайнем выражении в экономическом направлении. Однако он, отстаивая научную прогрессивность последнего, подчеркивал, что "... исторический материализм в сравнении с историческим идеализмом, является значительным шагом вперед". [37] Таким образом, вопрос о влиянии марксизма на становление экономического направления в русской историографии был поставлен и обсуждался самими представителями этого направления, а также их научными противниками.

Под воздействием марксизма историки-экономисты обратили внимание на роль и место производительных сил в общественном развитии, на взаимоотношения базисных и надстроечных явлений. Однако эти наблюдения не привели к признанию за ними мировоззренческого значения. Как отмечал легальный марксист С. Булгаков, пытаясь защитить представителей экономизма в истории от на самом деле незаслуженных обвинений в марксизме, "экономическое направление в истории... совершенно ему (марксизму — М. Л.) чуждо, ибо оно всецело остается в области "исторического прагматизма" и ни на какую философию истории не притязает". [38]

В своих общетеоретических представлениях Виноградов, как большинство историков-позитивистов, придерживался "теории факторов", которая, объясняла исторический процесс как результат взаимодействия разнообразных, но равнозначных факторов. В 1892 г., т.е. в год выхода своей эпохальной монографии "Вилланство в Англии", Виноградов опубликовал рецензию на получившую в свое время широкую известность работу Л. И. Мечникова "Цивилизация и великие исторические реки". Историк признал правомерной попытку Л. И. Мечникова вывести все особенности общественного развития прямо из географического фактора на том основании, что сформулировать содержание целой исторической эпохи невозможно, так как в одну систему неизбежно попадут "разнокалиберные признаки". А научных концепций, периодизаций исторического процесса "может получиться столько же, сколько

есть различных сторон в самом понятии цивилизации. По социальному критерию факты рас-положаться одним образом. по политическому — другим, по религиозно-философскому — третьим". [39]

Историк, как считал Виноградов, конечно, вправе посвятить свое исследование одной из сторон исторического процесса, избрав из целой серии разнообразных факторов "хороший образец для целей анализа и построения обобщений". [40] Более того, своеобразным мерилom значимости произведений историка, согласно Виноградову, является способность исследователя "выставить две — три объединительные идеи", "доминирующие концепции", а то и один "руководящий принцип", который под пером ученого (именно под пером, а не в силу его действительного влияния в общественном развитии), подчинил бы и организовал самый разнообразный исторический материал. Однако даже самая стройная теория, выведенная на основании исследования одной из сторон исторического процесса неизбежно будет грешить, по мысли Виноградова, как недостаточной доказательностью отдельных положений, так и преувеличенной оценкой одного ряда факторов. [41] Ключ к объяснению исторического процесса в целом Виноградов видел в теории эволюции, которая признавала способность равнозначных факторов развиваться в одном эволюционном направлении. Общественное развитие ученый предлагал рассматривать как "синтез всех этих эволюций с преобладающим влиянием той или другой, но с известным влиянием каждой". [42]

Эволюционное учение Виноградов объявил последним словом современной ему историографии и с большей или меньшей степенью последовательности проводил его на практике. Применяя идеи эволюции к социальному развитию, он настойчиво доказывал, что "историческое движение не есть результат внезапных порывов и находок личных или общественных; история представляет собой непрерывный медленный рост". Причем рост прогрессивный. Идея прогресса включалась ученым в само понимание эволюции как таковой. Виноградов считал прогресс "первой основой исторического мирозерцания", [43], хотя задачу проникновения в сущность этой категории, как, кстати сказать, и всю онтологическую проблематику, целиком оставляя для философов. [44]

Задачи исторической науки виноградов видел в открытии законов общественного развития. При этом закон он совершенно справедливо определял как "необходимую, постоянно повторяющуюся связь между явлениями". "Наука понимает теперь мировую жизнь, — писал Виноградов, — не как сцепление случайностей, а как результат действия законов, частью известных нам, частью неизвестных". Познание законов общественного развития даст "лучшее средство, чтобы обезвредить их действие на человека или воспользоваться в его пользу". [45]

Стремление рассматривать исторический процесс не как набор случайностей, а как непрерывную цепь причинно-следственных связей сыграла свою положительную роль как в творчестве Виноградова, так, кстати сказать, в русской либеральной медиэвистике в целом. Ведущие ее представители М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, будучи преимущественно историками-экономистами, легко находили основания для научного оптимизма в применении эволюционной теории в исследовательской практике. Ибо, как известно, экономическая теория на длительных участках своего развития — объективно медленный процесс постепенного накопления трудовых навыков и технических усовершенствований.

Указывая на экономический процесс как на главный в историческом развитии, Виноградов подчеркивал, что он совершается "в низах общества". Интерес к народным массам, как и экономическим вопросам, возникший не без влияния позитивизма, служил в представлениях историков второй половины XIX в. связующим звеном между природой и обществом, которое позволит перенести методы естественных наук в познание общественных явлений. У Виноградова это выразилось в обосновании им идеи бессознательности исторического развития,

которое, по его мнению, воплощается в деятельности народных масс. В тесной связи с этим положением он развивал мысль о влиянии естественных условий на ход истории, так как "косная, пассивная масса... прежде всего должна считаться именно с естественными условиями, с материальными потребностями".

Подчеркивая роль народных масс в истории и законосообразность исторического процесса, Виноградов в отличие от представителей вульгарного материализма, не придавал историческому процессу фатальный характер. Об этом свидетельствует его подход к решению другой стороны рассматриваемого вопроса — о роли личности в истории. Хотя, отмечал Виноградов, "...личное творчество в истории и не все, но оно в тоже время и не ничего, в некоторых случаях личная инициатива играет весьма важную роль". [47] В противоположность основной линии всей предшествующей историографии и современной ему русской "субъективной школе" в социологии, Виноградов не рассматривал личность как центр мировой истории, а подходил к оценке роли личности с позиций историзма. Чтобы деятельность той или иной конкретной личности была плодотворна, полагал Виноградов, личность должна прежде всего выяснить те условия, которые каждый народ считает для себя нормальными. [48] Рассматривая личность не как абстрактную индивидуальность, а как порождение определенной исторической эпохи, Виноградов отмечал, что в истории "...самый подбор лиц выражает ... великую историческую струю". [49] Подобная трактовка Виноградовым вопроса о роли личности в истории с позиций последовательного историзма была для своего времени несомненно прогрессивной.

В предвоенные годы в разгар антипозитивистской реакции в буржуазной философии Виноградов еще сохранял верность своим прежним теоретико-философским представлениям. Об этом вполне определенно свидетельствуют его письма к выдающемуся ученому — естествоиспытателю В. И. Вернадскому и историку М. М. Богословскому, относящиеся к 1902 — 1903 гг.

В. И. Вернадский не разделял нигилистического отношения позитивистов к философии, однако истоки научного познания он в ту пору еще связывал с религией. [50] Это вызывало энергичные возражения Виноградова, который, может быть, и не совсем обоснованно связал эти представления В. И. Вернадского с волной мистицизма, субъективизма и неокантианства, захлестнувшей в то время науку. "... Новоявленный идеализм, — писал Виноградов в одном из писем Вернадскому, — у нас обыкновенно соединяется с ненаучными стремлениями". "В статьях Булгакова и Бердяева мне слышится уже совершенно явственно разухабистое пренебрежение к ... научной работе". [51] И еще в одном письме: "... В новоявленном идеализме не трудно усмотреть элементы мистического мировоззрения, которое может увести куда угодно, и которое, раз стоит не точке зрения, предъявит требования относительно церкви, народа, государства, с которыми трудно будет уладить прогрессивные идеалы". Наука сохранит свое значение для общества, считал Виноградов, если и в дальнейшем будет опираться на идеи "позитивизма, эмпиризма и материализма".

Кризисные моменты в творчестве историка проявились в период после событий 1905 — 1907 гг. Одним из показателей кризиса явилось перемещение научных интересов Виноградова от традиционной социально-экономической проблематики к историко-юридическим сюжетам, которые постепенно становятся центральными в его научной деятельности последнего периода. Такой поворот лишь отчасти объясняется профессиональными обязанностями Виноградова как главы кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. Основное же состоит в том, что историю права ученый считал более удобной, как ему казалось, для решения задач критики марксовской теории. Виноградов пытается доказать, что марксизм принизил роль права и правовых институтов в историческом развитии, лишил правовую проблематику

самостоятельной научной значимости. При этом он приписывал марксизму признание фатального влияния экономики на правовые нормы.

"Главное же недомыслие экономического материализма, — писал Виноградов в своей статье "Перспективы исторического правоведения" (1921), — состоит в игнорировании целесообразности как мерила ценности". В своей неприязненной критике марксизма Виноградов порой прибегал к аргументации неокантианцев. Однако у нас нет достаточных оснований полагать, что Виноградов полностью перешел на позиции неокантианства. Неокантианские идеи он воспринял лишь выборочно. Виноградов считал, например, что В. Виндельбанд и Г. Риккерт преувеличили противоположность между категориями причинности и ценности, с которой неокантианцы сводили разницу между естественными и общественными науками. Он полагал, что необходимо "отстаивать огромное значение исследования причин и некоторых однообразий". Правда, Виноградов тут же признавал, что историкам также трудно обойтись "и без целесообразности и идеальных мерил". [53]

Однако, следует отметить, что в решении проблем аграрной и социальной истории средневековья Виноградов в известной мере сохранил свои прежние методологические позиции. Кризисные изменения выразились здесь в отступлении от поисков исторических закономерностей, в отказе от обобщающих выводов. Это явилось, как нам представляется, следствием влияния на Виноградова критического направления в историографии, с основателем которого в Англии Ф. Мэтланом он находился в самом тесном общении.

В целом историко-методологические представления Виноградова под влиянием кризиса претерпели революцию в пределах широкого, аморфного, всеядного позитивистского течения в сторону усиления плюрализма, идеализма, абсолютизации эволюционной теории, затушевания закономерностей исторического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. - М.: Высшая школа, 1985. - С. 333.
2. Виноградов П. Г. Средневековая история. Лекции. 1879\80 акад. год (литография). Б. м. и г. - С. 17, 27.
3. Там же - С. 65, 71.
4. Виноградов П. Г. О прогрессе. - М., 1898. - С. 29.
5. Там же. - С. 30.
6. Виноградов П. Г. Средневековая история. - С. 92-100.
7. Там же. - С. 100.
8. Буржуазная философия конца и начала империализма. - М.: Высшая школа, 1977. - С. 45.
9. Виноградов П. Г. Средневековая история. - С. 65.
10. Он же. О прогрессе. - С. 39.
11. Он же. Средневековая история. - С. 115.
12. Он же. О прогрессе. - С. 45.
13. Он же. Задачи правоведения // Вступительные лекции профессоров Московского государственного университета. - М. 1909. - С. 8.
14. Он же. О прогрессе. - С. 4.
15. Он же. История средних веков. Лекция. - М. 1893 - С. 5.
16. Он же. О прогрессе. - С. 1.
17. История Римской империи. Лекции 1884/85 акад. год. - Б. м. и г. - С. 2.
18. Он же. Исследования по социальной истории Англии в средние века. - СПб. 1887. - С. 33.
33. Он же. Фюстель де куланж. Итоги и приемы его учебной работы // Русская мысль. - 1890 -1 - С. 92.

19. Он же. Исследования по социальной истории в Англии в средние века. -С. 33.
20. Нечухрин А. Н. Проблемы специфики исторического познания в творчестве Н. И. Кареева. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск 1979 - Вып. 13 -С. 68.
21. Виноградов П. Г. История средних веков. Лекции. -М. 1898 -С. 71.
22. Он же. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. - Спб. 1880 - С. 66.
23. Он же. Средневековая история. -С. 126.
24. Там же. -С. 72.
25. Там же. -С. 73.
26. Виноградов П. Г. Римское право в средневековой Европе. -М. , 1910. -С. 3.
27. Vinogradoff P. Villainage in England. -Oxford 1892. -р. 4.
28. Виноградов П. Г. Средневековая история. -с. 124.
29. Гутнова Е. В. Указ. соч. -с. 289.
30. Виноградов П. Г. История средних веков. -Лекции. -М. , 1893—с. 23.
31. Виноградов П. Г. О прогрессе. -с. 164.
32. Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 2202, оп. 3, ед. хр.1. Записки профессора Корелина М. С. -с. 62.
33. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. -ф. 70, ед. хр. 119—л. 21.
34. Кареев Н. И. Политическая экономия и теория исторического // Историческое обозрение. -1891. -т. 2. -с. 105.
35. Петрушевский Д. М. Новое исследование о происхождении феодального строя // Журнал министерства народного просвещения. -1892. -N 12. -с. 307, 317.
36. Кареев Н. И. По поводу новой формулировки "материальной истории" // Историческое обозрение. -1892. -т. 4. -с. 279.
37. Петрушевский Д. М. Тенденции современной исторической науки // Образование. -1899. N 5—6. -с. 79.
38. Булгаков С. "Экономический материализм" как философия хозяйствования // Русская мысль. -1912. -N 1. -53.
39. Виноградов П. Г. Влияние рек на происхождение цивилизации // Северный вестник. - 1892. -N 6. -с. 36.
40. Vinogradoff P. Villainage in England. -р VII.
41. Виноградов П. Г. Влияние рек... -с. 43.
42. Он же. О прогрессе. -с. 45.
43. Он же. Т. Н. Грановский // Русская мысль. -1894. -N 9. -с. 56.
44. Он же. Средневековая история. -с. 125.
45. Он же. Накануне нового столетия. -М. , 1902. -с. 25.
46. Он же. Средневековая история. -с. 125.
47. Он же. История средних веков. Лекции. -М. , 1893. -с. 9, 11.
48. Он же. История Римской империи. -с. 97.
49. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. -М. :Наука. -с. 32.
50. Архив Академии наук России. -ф. 518, оп. 3, ед. хр. 338, л. 28, 31.
51. Виноградов П. Г. Перспективы исторического правоведения //Современные записки. - 1921. -N 7. -с. 157.